

два антропологических типа (массивный долихокранный широколицый и грациальный мезокранный среднелицый), характерные для ятвягов и племен восточной Литвы. В V—VI вв. эти антропологические типы сохраняются, но доминирующую роль занимает в восточной Литве первый тип.

Таким образом, данные археологии, языкоznания и антропологии свидетельствуют, что западные балты (ятвяги) очевидно приняли участие в сложении культуры восточно-литовских курганов; как одного из компонентов. Ятвяжское влияние продолжалось и в V—VI вв. По-видимому, можно говорить о миграции в зону восточнолитовских курганов ятвяжского населения, что было связано с этнокультурными процессами великого переселения народов.

Г. Н. ПРОНИН

ДВА ТИПА ПОГРЕБЕНИЙ В ЗЕМЛЕ ЯТВЯГОВ

В 30-е годы нашего столетия К. Энгель предпринял попытку увязать различные группы древностей на территории Восточной Пруссии с отдельными прусскими территориями и племенами¹. Он разделил весь регион на «культурные круги», и один из них выделил в особую «восточномазурскую (судавскую) культуру». Она охватывала территорию к востоку от Мазурских озер до левобережья Немана, на юге и юго-западе — до среднего и нижнего течения р. Бебжа и ЛЭК (Элк), на севере и северо-западе — граничила с собственно прусскими племенными территориями (Галиндия и Надровия), северо-восточная ее граница и по сей день не ясна, на западе — захватывала побережье Мазурских озер. Древности указанной территории К. Энгель, также и как и последующие исследователи, трактовал вслед за Птоломеем Александрийским и средневековыми хронистами, как культуры судинов-ятвягов.

Построения К. Энгеля в дальнейшем подверглись серьезному критическому анализу. Одним из первых в послевоенные годы слабые стороны подобного, во многом искусственного, членения сформировал А. Каминский². В част-

ности, он указал на то, что К. Энгель при выделении «судавской» культуры вынужден был опираться на материал с территорией, выходящими за пределы Ятвягии в границах X—XIII в.в., зафиксированных письменными источниками. Этим объясняется и отнесение ее границы на западное побережье Мазурских озер. Отмечу, что при всем в целом критическом отношении к подобного рода концепциям, они послужили толчком к разработке археологии региона примерно в том же направлении, то есть к попыткам увязать древности отдельных микрорегионов с этническими или письменными образованиями.

Обширные полевые исследования 50—70-х годов прояснили многие вопросы археологии ятвягов, но, естественно, не решили всех проблем. Дискуссии о происхождении ятвягов, их первоначальной племенной территории, культурно-хронологическом соотношении древностей отдельных микрорегионов и т. д., продолжаются и сегодня.

Принятый практически всеми исследователями тезис об адекватности «судинов» Птоломея «судавам» средневековых хронистов или же «ятвягам» древнерусских летописей, с учетом большего или меньшего соответствия их племенных территорий по Птоломею, с территориями, зафиксированными письменной традицией на XIII в., подразумевает увязку всех древностей этого круга от I в. н. э. до эпохи развитого средневековья с ятвягами-судавами. Различия — иногда значительные — в конкретном материале объясняются либо принадлежностью отдельных групп памятников к различным племенам в пределах общего ятвяжского ареала, либо культурной конвергенцией с соседними территориями.

Основная масса археологического материала происходит из могильников и относится в основном к первой половине I тыс. н. э. (римский период и начальная фаза эпохи переселения народов). Погребальные памятники региона представлены двумя основными типами — грунтовыми и курганными могильниками. Наиболее полно исследованы курганные могильники Сувалкского Поозерья — около 20 могильников.³ Определенный прогресс достигнут и в изучении курганов так называемого «ростолтского» типа в районах к югу от р. Бебжа — в регионе, отнесенное которого к ятвяжскому ареалу спорно. Новейшие изыскания в этой группе памятников дали основания относить их к вельбаро-цецельской культуре.⁴ Второй тип — грунтовые могильники — менее изучен. Многочисленные и, к сожалению, почти не опубликованные материалы из района между р. Элк

и восточным побережьем Мазурских озер погибли во время войны. Несколько иная судьба грунтовых могильников Августовско-Элкского Поозерья — южной окраины ятвяжских земель (в ее минимальных пределах — до правобережья р. Бебжа). Многие из раскопанных здесь могильников были опубликованы перед войной. Кроме того, в наше время на ряде памятников были проведены исследования, давшие новый материал.⁵ На сегодняшний день особое значение приобретают следующие вопросы: а) чем объясняется наличие двух конструктивных типов в погребальном обряде при синхронности их бытования на определенном этапе; б) каковы корни происхождения грунтовых и курганных могильников; в) имеют ли они общую культурную подоснову или же изначально отражают разные этнокультурные тенденции?

В польской литературе утверждалось членение территории «восточномазурской (судавской) культуры» на несколько территориально-культурных групп: венгожевская, мронговская, сувалкская, августовская. Отречившись от этнических и культурно-племенных привязок, попытаемся еще раз сопоставить некоторые материалы с двух типов погребальных памятников «Ятвязи» на примере хорошо исследованных могильников Августовского Поозерья — *Netta*, *Bartłów Dworny*, *Judziki* и др. с одной стороны, и курганных могильников Сувалкии — с другой.

Могильники августовской группы в целом датируются несколько более ранним периодом, чем курганы Сувалкии. Наиболее ранние погребения из них относятся ко 2 пол.-кон. II в.— рубежу III в. н. э., расцвет приходится на III—IV в.в., а погребения ранних этапов эпохи переселения народов немногочисленны.⁶ Курганы же Сувалкии имеют верхней датой рубеж III—IV в.в. и доживают, вероятно, до сер. VI в. (?). Таким образом, погребальные памятники двух типов синхронны лишь в отрезке от нач. III до конца IV в.в.

Скрупулезный анализ грунтовых могильников августовской группы с максимальным привлечением сохранившихся материалов из аналогичных памятников венгожевской и мронговской групп проделан М. Качиньским.⁷ Памятники этих микрорегионов, особенно на раннем этапе (конец фазы В1—фаза В2), во многом сходны по целому ряду признаков.⁸ Различия между ними в фазе В2 (до сер. II в.) носят скорее частный, чем принципиальный характер. Можно, по-видимому, согласиться с мнением Е. Окулича, что членение мазурской группы на ряд локальных вариантов в раннеримский период — чисто картографический момент.⁹

Первые фазы (B1 и B2 — от нач. I до сер. II в.в. н. э.) представлены преимущественно в могильниках венгожевской группы — Mojtypu, Bogaczewo-Kuła, Babeta, Knis и др. Из остальных микрорегионов известны лишь отдельные находки, позволяющие теоретически относить становление поселенчества в них даже к началу фазы B1. Начало функционирования могильников августовской группы (Judziki) относится к фазе B2/C1 (вторая пол. II — нач. III в.в.)¹⁰. Погребения других могильников укладываются в рамки фазы C — позднеримский период.

В Сувалкском микрорегионе древностей фазы B2 и B2/C1 нет. Наиболее ранние комплексы, датирующиеся вероятно концом III—нач. IV в.в., известны лишь в трех могильниках: Szwajcaria, Źywa Woda, Osowa. При этом в большинстве своем наиболее ранние погребения сувалкской группы, в отличие от синхронных комплексов августовского региона, — трупоположения. Основная же масса исследованных здесь могильников относится к раннему периоду эпохи переселения народов — фаза Д(350—450/475 гг.). При этом в позднеримский период и на раннем этапе фазы Д между могильниками двух регионов — сувалкским и августовским — наиболее отчетливо выступают различия, а не черты сходства. Это не исключает отмечаемую исследователями близость по ряду признаков сувалкской и августовской групп между собой.

Различия касаются прежде всего погребальных конструкций: в августовской и родственной ей мронговской группе в позднеримское время продолжают существовать грунтовые могильники, в Сувалкии — изначально превалирует тип погребального сооружения в виде каменного или каменноzemляного кургана. Только в могильниках Szwajcaria и Źywa Woda найдены отдельные грунтовые захоронения.¹¹ Однако, этих данных явно не достаточно для того, чтобы предполагать наличие в сувалкской группе пласта грунтовых погребений раннеримского времени, генетически связанных с основной массой курганных могильников.

Другим существенным различием между двумя группами является абсолютное преобладание в фазах B2/C1—C1 в грунтовых могильниках кремации и ярко выраженный биритуализм в фазе C1—C2 в сувалкских курганах. Уже эти два фактора позволяют предположить изначальное различие в генезисе становления двух групп погребальных памятников. Но наиболее отчетливо это удается проследить при сопоставлении отдельных типов погребального инвентаря

и керамического комплекса.

Грунтовые могильники августовской группы фазы B2/C1 (сер. II—сер. III вв.) выделяются наличием следующих характерных типов инвентаря: а) Фибулы — «очковые» и т. н. «гребенчатые» (рис. 1). «Очкиевые фибулы из могильников Judziki и Bargłów Dworany принадлежат к поздней группе «прусской» серии. «Гребенчатая фибула из могильника Bargłów Dworany относится к «мазурскому» типу фазы C1 (до сер. III в.). Другие типы фибул (например фибулы из погр. 236 и 290 Bogaczewo-Kuła) редки и в целом не характерны для раннеримского и переходного периода. Уже с фазы C1 (до сер. III в.) «очкиевые» фибулы в погребениях исчезают, в то время как «гребенчатые» различных вариантов продолжают бытовать в комплексах всех локальных групп — венгожевской, мронговской, августовской.

Вещевой комплекс фазы B2/C1 (до рубежа III в.) в авгу-

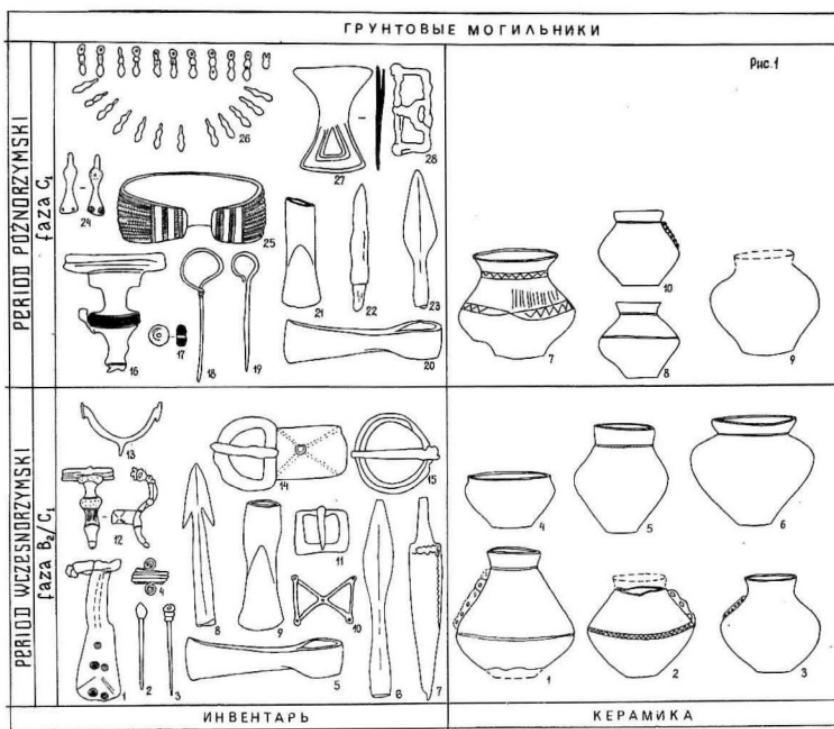

Рис. 1. Инвентарь: Юдзики — №№ 1, 5, 6, 8—11, 13—15; Бабета — №№ 2—3; Спыхувко — № 4; Швайцария — №№ 22—23. Керамика: Юдзики — №№ 1—6; Барглув Дворны — №№ 7, 9; Богачево-Кула — №№ 8, 10.

стовской группе представлен лишь материалами могильника Judziki. Отмечу лишь отдельные детали. Оттуда происходит, по-видимому, наиболее ранняя в микрорегионе находка втульчатой пешни (рис. 1), здесь же найден узкий проушной топор, целый набор железных ножей, в том числе один — с надчеканкой (рис. 1). Такие ножи получили более широкое распространение в мазурских могильниках позднее (фазы С1—Д). Материалы из других могильников августовской группы этого времени слишком фрагментарны, чтобы составить представление об их веществом комплексе. Так, например, не ясна степень распространенности различных типов булавок. Они довольно широко представлены в могильнике Bogaczewo-Kuła, а также известны в погребениях позднеримского периода мронговской группы. И если предположение о генетической связи мронговской и августовской групп правильно, то единичные их находки в августовских могильниках можно объяснить лишь слабой изученностью могильников фазы В2/С1 в микрорегионе.¹²

Из погребений могильника Judziki происходит набор керамических форм, служивших урнами. Комплекс представлен двумя типами сосудов: а) Большие выщуклобокие сосуды с плавным изгибом туловы на середине высоты и узким дном (рис. 1). Встречаются экземпляры с налепным вертикальным рядом ущек (рис. 1); б) Урны грушевидной формы с узким дном и прямым вертикальным венчиком слабоотогнутым наружу (рис. 1). Максимальное расширение туловы — в нижней трети высоты. Орнаментация для той и другой формы не характерна. Все сосуды имеют тщательно заглаженный верх и храповатую поверхность ниже излома туловы. Им сопутствуют широкогорлые с округлым туловом и коротким прямым венчиком (рис. 1).

Позднеримский период в августовской группе представлен большим числом могильников. Набор инвентаря этого периода не имеет существенных отличий от комплексов грунтовых могильников соседних территорий и для металлических изделий характеризуется стиллистической близостью с памятниками ареала пшеворской культуры.¹³ Однако, определенные изменения в сравнении с предшествующим периодом все же происходят. Так в погребениях фазы С1 гораздо меньше фибул, которые представлены поздней разновидностью «гребенчатых» (рис. 2). Продолжают бытовать узкие проушные топоры, поясные прямоугольные пряжки «самбийского» типа, железные и бронзовые оковки поясов, предметы вооружения и конского снаряжения. Более широкое распростра-

КУРГАННЫЕ МОГИЛЬНИКИ

Рис. 2

PERIOD WZCZESNORZYMSKI faiza B ₂ /C ₄	PERIOD POZNORZYMSKI faiza C ₂ -C ₄	ИНВЕНТАРЬ	KERAMIKA
	<ul style="list-style-type: none"> 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 		
			<ul style="list-style-type: none"> 1 2 3 4 5 6 7 8

Рис. 2. Инвентарь: Жива Вода — №№ 1, 2, 5, 9, 14, 16, 20, 21, 23; Осова — №№ 3, 4, 6, 7, 10, 11—13, 18, 19, 22, 24, 26, 27; Швайцария — №№ 5, 8, 15, 17, 25. Керамика: Осова — №№ 1—4, 5, 7, 8; Швайцария — № 6.

нение получают булавки, в том числе «мазурского» типа (рис. 2). Новым по сравнению с фазой В2/С1 является появление в комплексах фазы С1—С2 дротовых гривн (Bartłów Dworzy, погр. 28, Netta, погр. 8), шейных украшений из бус прозрачного и не прозрачного стекла и различного рода привесок (рис. 2), появляются изделия с эмальюми, а также разновидность «манжетовидных» браслетов (рис. 2).

Керамический комплекс фазы С1 менее презентативен. В это время в августовской группе могильников начинает преобладать безурновая кремация. Тем не менее, можно утверждать, что в грунтовых могильниках Мазурского региона продолжают бытовать две основные формы сосудов, известных по комплексам предшествующего периода. Миски также сохраняют традиционную форму — широкий отвор, узкое дно, округлое тулово.

В Сувалкском регионе наиболее ранние комплексы происходят из курганных бирутальных захоронений. Все они без исключения представлены погребениями по обряду ингумации. В могильнике Źywa Woda к фазе С1—С2 относится погр. 1 кургана 15 — по трехгребенчатой фибуле «прусской» серии и гривне с расширяющимися трубчатыми концами (рис. 2). В прусских землях такие гравни датируются I—II вв., реже — III в. Подобные изделия довольно широко представлены в центральной и западной Литве в комплексах II—III вв. Не противоречит этому и найденный здесь же спиральный перстень (рис. 2). В могильнике Osowa к фазе С1 вероятно относится курган 22, где в комплексе с круглыми пастовыми красными бусами найдена ажурная бронзовая посеребренная пряжка с прямоугольной рамкой (рис. 2), курган 114 — игла с биконической головкой (рис. 2) и большая прямоугольная пряжка (рис. 2). Наиболее ранее захоронение по обряду кремации — в кургане 123: булавка с катушечной головкой (рис. 2) и небольшой сосуд с ушком — форма, датирующаяся по аналогиями с находками в венговежской группе в пределах II—III вв. Вероятно, к фазе С1 относятся и отдельные захоронения в могильнике Szwajcaria (рис. 2). Основную же массу погребений трех могильников, с наиболее ранними захоронениями, приходится датировать в целом фазой С или же начальным этапом периода переселения народов. Подчеркну, что в этот период погребальный инвентарь достаточно единообразен на всей территории Восточной Пруссии. Но и в материалах курганных могильников сувалкской группы позднеримского

периода происходят определенные изменения.

На смену «гребенчатым» приходят арбалетовидные застежки, гораздо шире в погребениях представлены предметы вооружения. Но наиболее ярко сувалкские курганы фазы С выделяют находки нагрудных украшений в виде цепочек, соединенных на концах с ажурными бляхами, либо парой арбалетовидных фибул (рис. 2). Оба украшения найдены в одном случае в комплексе с пластинчатыми плоскими браслетами с полукруглыми концами (рис. 2), в другом — с гривной с дисковидной застежкой (рис. 2) и двумя «манжетовидными» браслетами (рис. 2).

Немногочисленные формы керамики фазы С сувалкской группы не имеют ничего общего с керамикой из синхронных грунтовых могильников. Получают распространение небольшие сосуды-кубки с одной налепной ручкой, коротким округлым венчиком плавно отогнутым наружу диаметром чуть меньше наибольшего расширения туловища, приходящегося на верхнюю треть высоты (рис. 2). Орнаментация не характерна, лишь один экземпляр украшен врезным орнаментом (рис. 2). Вторая форма — приземистые округлобокие сосуды с коротким утонченным или высоким цилиндрическим венчиком, с максимальным расширением туловища на середине высоты (рис. 2). Изредка встречаются и не характерные формы, изготовленные, вероятно, специально для погребений (рис. 2). Из насыпи кургана 15 и кургана 45 могильника *Szwajcaria* происходят два ребристых горшка (рис. 2).

Сопоставление сравнительно немногочисленных материалов из двух типов погребальных памятников двух соседних микрорегионов позволяет сделать следующие выводы:

а) Наряду со многими общими чертами эти могильники существенно отличаются друг от друга. Грунтовые захоронения августовской группы возникают на фазе B2—B2/C1. Основная масса курганов Сувалкии укладывается в рамки фазы C2—C3. В это время в грунтовых могильниках абсолютно преобладает кремация, в то время как в Сувалкии — только ингумация. Лишь в конце фазы C3 и нач. фазы Д(сер. IV в.) здесь распространяется биритуализм, а окончательно кремация возобладала не ранее к. IV — рубежа V вв.

б) Столь же существенными мне представляются и различия в инвентаре. Так в комплексах погребений августовской группы фазы C1 и других мазурских могильников преобладающим является тип «гребенчатых» фибул, сменявших здесь бытовавшие на фазе B2/C1 «очковые» заст-

тежки. В сувалкских курганах «гребенчатые» фибулы являются редким исключением, но распространяются арбалетовидные фибулы. Здесь также более характерны различные типы булавок. В грунтовых же могильниках булавки сравнительно редки и происходят в основном из памятников порубежных районов. Отличает сувалкскую группу также более широкое распространение различных бус, накладок, другие формы поясных пряжек, значительное большее количество оружия в погребениях. И конечно же находки украшений западнолитовского типа. Как уже говорилось, полностью различны керамические формы.

Каковы же истоки двух типов погребальных памятников на территории «Ятвязи»? Складывается впечатление, что грунтовые могильники Мазурского региона раннеримского периода являются ответвлением культуры самбийско-натангийской группы. Об этом свидетельствует единый погребальный обряд. Этому не противоречит то, что уже на фазе В2 в Самбии на ряде могильников появляются трупоположения, иногда под курганами (Дубровка, Хрустальное, Ярославское, Эспенхайм, Изобильное). Однако, на протяжении всего раннеримского периода (и позднее) трупоположения не являлись здесь преобладающим типом.¹⁴ Вероятно, становление мазурских грунтовых могильников в фазе В2—В2/С1 было связано с локальными перемещениями отдельных поселенческих групп самбийско-натангийского региона, обусловленными по мнению некоторых исследователей готской экспансиею вдоль северного побережья Балтики.¹⁵ Взаимными контактами с населением соседних земель объясняются и локальные отличия в погребальной обрядности. Не подлежат сомнению преобладающие на ранних фазах связи с Самбией отдельных определяющих типов инвентаря, прежде всего керамики. Обе основные формы сосудов из грунтовых Мазурских могильников являются развитием керамических форм, бытовавших в этом регионе и в самбийской группе уже на фазе В1¹⁶. В некоторых могильниках (Bogaczewo-Kuła, Babeta) встречены формы, известные на Самбии еще в позднелатенский период.

в) Об отличительных чертах вещевого набора сувалкских курганов ранней фазы позднеримского периода уже говорилось. Здесь важно лишь подчеркнуть изначально сильное присутствие в их инвентаре изделий западно-литовского стиля. С другой стороны, целый ряд моментов ассоциируется с синхронными древностями самбийско-натангийской группы. Это, прежде всего, курганный обряд и преоблада-

ние на ранних фазах ингумации (вспомним биритуализм Самбии), аналогичная ориентировка погребенных — северо-юг, присутствие разного рода каменных конструкций в погребальном ритуале. Некоторые формы керамики — сосуды-кубки с налепной ручкой, по-видимому, также имеют прототипы в самбийских могильниках фаз В2—В2/С1. Новой формой являются реберчатые сосуды; но их для этого периода пока слишком мало для каких-либо выводов.

Все это свидетельствует о существовании в раннеримский период и в начальных фазах позднеримского этапа единой культурной общности в пределах всего Мазурского региона, подосновой которой служила культура самбийско-натангийской группы. Исключением является Сувалкская группа памятников с изначально чуждыми для региона чертами, связанными с культурными импульсами с северо-востока. По-видимому, на этой стадии не имеет смысла пытаться увязывать те или иные культурно-территориальные группировки памятников с какими-либо этноплеменными общностями.

Серьезная дифференциация культурного монолита западнобалтского региона в целом началась позднее — в начальной фазе эпохи переселения народов.

Литература

1. Engel C. Die Bevölkerung Ostpreusens in Vorgeschichtlicher Zeit. Gumbinnen, 1932. Engel C., La Baume W. Kulturen und Völker Frühzeit im Preussenlande. Königsberg, 1937.
2. Kamiński A. Materiały do bibliografii archeologicznej Jaćwięży od 1 do 13 w. // Materiały Starożytne. Warszawa, 1956. T. 1. S. 196—198.
3. Jaskanis J. Jaćwięź w badaniach archeologicznych. Stan i perspektywy badawcze // R. B. 1981. T. 14. S. 53.
4. Ibid., s. 57—58.
5. Kacziński M. Połudnowa strefa osadnictwa Bałtyjskiego na obszarze Jaćwięzy w I tysiącleciu naszej ery // R. B. 1981. T. 14. S. 170.
6. Ibid., s. 198.
7. Kacziński M. The cemeteries dating from Roman and Great Migration periods in the Augustow Great Lares Region // Acta Baltico-Slavica. Białystok, 1966. T. 4. S. 79—108. Kaczyński M. Połudnowa strefa..., S. 169—201.
8. Okulicz J. Grupy Mrągowska i Węgozewska kultury Zachodniobałtyjskiej a zagadnienie „Galindai” i „Sudinai” Ptolomeusza // R. B. 1981. T. 14. S. 151—157.
9. Okulicz J. Pradzieje ziem pruskich od późnego paleolitu do 7 w. n. e. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1973. S. 399—400.

10. Marciniak J. Dwa cmentarzyska ciałopalne z okresu Rzymskiego w Judzikach i Bargłówce Dwornym w pow. Augustowskim // W.A. 1950. T. 17. S. 47—76.
11. Antoniewicz J. Odkrycie grobu rolnika jaćwięskiego z narzedziami produkcji z okresu rzymskiego // R.B. T. 3. S. 205—223.
- Ziemlińska - Odojowa. Sprawozdanie z badań w r. 1957—1957 na cmentarzysku kurchanowym z okresu rzymskiego w miejscowości Żywa Woda, pow. Suwałki // W.A. 1961. T. 27. S. 49-57.
12. Okulicz J. Grupy Mrągowskie..., S. 159.
13. Kaczyński M. Połudnowa strefa..., S. 183—184.
14. Okulicz J. Pradzieje..., S. 370.
15. Вопрос остается открытым, не исключены и другие версии: связь погребений по обряду ингумации в Самбии с бытованием трупоположений в различных регионах (Эстонии, Латвии, в меньшей степени Литве) еще в раннем железном веке.
16. Okulicz J. Pradzieje..., S. 361,rys. 164; S. 378, rys. 175.

A. АСТРАУСКАС

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ ЯТВЯЖСКОЙ ЗЕМЛИ

Современная археологическая историография содержит ряд трудов и статей литовских, русских и особеннопольских археологов по древнейшей истории ятвяжской земли* (1;2). Однако, до последнего времени литовскими археологами не уделялось достаточного внимания ятвяжским вопросам, вследствие чего обнаружились серьезные пробелы в археологическом познании литовского Занеманья и части восточной Литвы. Уместно отметить, что отсутствуют работы по картографированию предполагаемых ятвяжских погребальных памятников I—XIII вв. в пространстве и времени.

Сложившаяся ситуация выдвигает первостепенную задачу — произвести последовательное картографирование ятвяжских погребальных памятников по данным разных исследователей, и тем самым восполнить пробел в литовской археологической литературе. Следующий этап представляет-ся нам как всестороннее исследование материалов из могильников разных эпох для выявления углубленных характе-

* О ятвягах здесь говорится как об этническом объединении ятвягов, судувов, дайнавов и полексян.